

Александр Петров

ИДУЩИЙ В ИЕРУСАЛИМ

Александр Петров

Идущий в Иерусалим (сборник)

«Автор»

2012

Петров А.

Идущий в Иерусалим (сборник) / А. Петров — «Автор», 2012

«А наутро он понял, что сегодня не надо сломя голову нестись на работу, трястись в метро, выезжать в местные командировки, с кем-то ругаться, что-то доказывать... Сегодня он стал свободным. Или даже так: обязан отдыхать. Нет – вынужден. Так что вздохнул смиренно и с воодушевлением приступил к новому образу жизни...»

Содержание

Идущий в Иерусалим	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Петров

Идущий в Иерусалим

Идущий в Иерусалим

*Вот мы восходим в Иерусалим,
и совершится всё,
написанное через пророков...*

Лк. 18,31

Выдаются иногда и в напряженной жизни дивные дни. Вот так, неожиданно-негаданно, вызвали его в кадры и сообщили: отпуск у вас, извольте передать полномочия. Он им:

- Некогда мне, работы много, да и по графику отдыхать мне через полгода.
- Сейчас или никогда, – сказали сурово. – Но если сейчас, то неделя сверху. Ну как?
- А что, есть выбор?
- Нет, конечно.
- Тогда ладно.

А наутро он понял, что сегодня не надо сломя голову нестись на работу, трястись в метро, выезжать в местные командировки, с кем-то ругаться, что-то доказывать... Сегодня он стал свободным. Или даже так: обязан отдыхать. Нет – вынужден. Так что вздохнул смиренно и с воодушевлением приступил к новому образу жизни.

...Над полем стелился серебристый утренний туман. Туфли и брюки до колен покрылись росистой влагой. Воздух звенел чистотой и прохладой. Птички весело пели и заливались на все голоса. Хорошо!

А вот и речка с запрудой. Удивительно, в этот тишайший, роскошный час здесь — никого. От крепенькой баньки на берегу какой-то любитель купаний выстроил удобные мостки. Они тянулись через береговые заросли и тину к чистой глубокой воде. К мосткам, словно к причалу, привязана потрепанная лодка с просмоленными бортами, облупленной голубой краской и неизменной мутной водой внутри.

Вадим пристроился на носу, разложил рыболовные снасти. Поверхность воды была спокойна, лишь круги от мелкой рыбешки смущали зеркальное отражение голубого неба с легкими перьями розоватых облаков.

От зарослей черемухи пахло сладким дурманом. «О, запах цветов, доходящий до крика!» – веером прошелестел волошинский вздох. С раннего детства запахи глубоко волновали Вадима.

Взять, например, детсад. Богатый, зеленый, цветущий – чтобы туда устроить ребенка, многие родители проходили «огонь, воду и медные духовые инструменты». В честь первого детсадовского дня забирать Вадика вечером пришли оба родителя. Это само по себе выдающееся событие, потому что люди они занятые, большие начальники и работают от темна до темна. Папа в светло-сером костюме, мама в бежевом шелковом платье – торжественные и улыбающиеся – шли к зеленой песочнице с огромным дощатым зонтом в крапинку, где копошилась малышня. А Вадик, как увидел их, бросился навстречу и закричал во весь голос:

- Не хочу в садик ходить! Заберите меня отсюда!
- Что случилось, сынок? – громким шепотом спросила мама, оглядываясь на окаменевшую воспитательницу.
- У них тут хлоркой и кислятиной пахнет.

Дома Вадику строго пояснили, что детсад – это как у взрослых работа. Поэтому, хочешь не хочешь, а ходить ему туда придется. Ну, а запахи там всякие – это лирика. Понял? Вадик послушно кивнул большой стриженной головой и ушел в свою комнату. Но внутренне затосковал, и на сердце будто тяжелый камень повис.

Чуть позже у него в группе завелись друзья, и он повеселел. И даже уходить вечером домой не хотелось. Но как в туалет заходить или в столовую, снова от запахов мутило и тяжелая каменюка повисала в груди.

Однажды у них появилась новая воспитательница по имени Людмила Григорьевна. Она как-то сразу понравилась всем ребятам: красивая, добрая, улыбчивая. Спать в «тихий час» не заставляла, а читала сказки «потихонечку». Конечно, уже через пять минут все как один сопели, раскидав ручки по постелькам – всё же уставали на утренней прогулке. Но все равно приятно, когда на тебя не кричат грубым голосом: «А ну всем спать! Ж-ж-живо! Услышу хотя бы шорох – накажу!» Так делала вторая воспитательница «Бабзина», страшная, как американский буржуй. Людмила Григорьевна как-то в тихий час сидела на стуле рядом с раскладушкой Вадика и читала про Буратину. Когда все уснули, Вадик спросил:

– Людмила Григорьевна, почему грустно, когда плохо пахнет?

– Потому что ты мальчик тонкий, чувствительный, – с улыбкой произнесла она, подняв добрые карие глаза. А потом вздохнула, погладила его по голове и добавила: – Нелегко тебе будет жить, Вадик.

Вечером после полдника Вадику во что бы то ни стало нужно было продолжить разговор. Он дождался, когда воспитательница освободится, и хотел было подойти. Но тут подскочил Юра-маленький и выдал новость:

– Я чё узнал-то! Секи: есть немцы и ненцы. Немцы плохие, потому что наших убивали на войне. А ненцы хорошие, потому что оленей пасут.

Пока они всесторонне обсудили эту тему, воспитательница ушла далеко. И Вадику пришлось идти за ней до самого «страшного» забора, куда ходить дети опасались. Потому что за тем забором жила овчарка. Никто ее не видел. Только знали все, что она злая-презлая, потому что рычала, как гром, и лаяла, как противотанковая пушка. И все-таки преодолевая страх, Вадик шел вдоль розовых кустов туда, где на лавочке присела с книгой в руке любимая воспитательница.

– Людмила Григорьевна, – шепотом позвал мальчик, осторожно пригнув колючую ветку с огромным розовым бутоном. И замер. Добрая, красивая, любимая – она плакала! Розы одуряюще сладко пели что-то зовущее, как рожок пастуха. Птицы на ветках деревьев на все голоса верещали от счастья. Пчелы гудели, бабочки порхали. На синем небе ярко сияло солнышко!.. Никто ее не обижал, никого рядом не было, даже страшная собака молчала – а она плакала. Тихо, жалостно, грустно!..

Через день она не вышла. Осиротевших малышей грубо погоняла голосистая Бабзина. Всезнающий Юрка-маленький долго увивался среди воспитательниц и поварих, наконец, разведал и сообщил группе следующее:

– От Людмилы Григорьевны муж ушел. Какой гад!

– Точно, гад! – согласились все как один. Такую тетеньку бросить! Девчонки сразу хором заревели. Нюни!.. Мальчишки – тоже, только каждый в одиночестве, в розовых колючих кустах, где сладко пели огромные бордовые бутоны. И никто их не мог понять. И никто не мог утешить.

... Говорят, смешно вспоминать детство. Нет, не смешно. Там – корни нашей взрослой жизни. Оттуда все растет. Если нужно что-то понять, обратиться к детству – оно не обманет, оно объяснит. Вадим вдыхал аромат цветущей черемухи и неотрывно глядел на ярко-алый поплавок. Время утреннего клева уходило. Несколько раз крупные лещи всплывали к поверхности, кокетливо выставляя на обозрение блестящие серебром упитанные бока, издевательски хло-

пали сильными хвостами, но дорожную канадскую наживку игнорировали. Ну, и ладно, плавайте господа патриоты, брезгующие заграничной наживкой, плодитесь и размножайтесь. Он оставил в зарослях осоки складную удочку и налегке пошел в сторону леса.

Да, с детства Вадим стремился к красоте и правде и отвращался от уродства, лжи и зла. Первое приводило в восторг, второе же – в уныние. Много раз приходилось ему принимать маски за лица, «воспитанное» скрытое зло за доброту – и потом сильно переживать разочарование, как предательство.

Однажды в гости к отцу проездом с симпозиума заехал бывший ученик. Веселый такой лысый очкастый дядька! И звали его необычно: Ярослав. «Как, как?» – «Яростный и славный!» – «Здорово!» – «Знай наших». Вадика новый взрослый друг всюду таскал с собой и мороженое с пирожными покупал. «Сколько это ваше удовольствие стоит? Всего двадцать две копейки? За так задешево и на тебе – детское счастье!» За это получал Ярослав от строгой мамы вежливые, но внушительные «нагоняйки». Вадик, не имевший пристрастия к сладостям, безотказно принимал подношения, но за искреннее стремление доставить радость тихо любил Ярослава.

Мужчины подолгу разговаривали под сухое вино за столом на веранде. Обсуждали новости физики твердого тела и органической химии, философии постмодернизма, феномен Феллини, мистику Тарковского, искусство чиновничьих подковерных интриг. Вадика позволялось сидеть за столом и – когда спросят – высказывать свое мнение. При этом взрослые мужи слушали мальчика с уважением, а иногда с восторгом, удивляясь простоте детской логики.

– Как вы полагаете, коллега, – обращался смешливый Ярослав к мальчику, – стоит нам выйти на замминистра, чтобы пробить дополнительные три ставки на кафедру?

– Зачем?

– А чтобы с этих ставочек прибавить всем ученым сестрам по золотым серьгам.

– Нечестно это, – крутил большой головой Вадик. – Мне не нравится.

– Вот так! – хлопал пухлыми ладошками по коленям интриган, гася улыбку. – Придется прислушаться к мнению народа. Имея в виду, что он всегда прав.

Но больше Вадика нравилось вот что. Оба собеседника общались не языком терминов, формул и схем. Хотя они неустанно исписывали кипы бумаги. Не мудреными фразами... Не жестами – нет. Эти двое всеми способами обменивались теплом дружбы и взаимной симпатии. Поэтому находиться в их обществе казалось Вадика очень приятным. «Мы в резонансе!» – признавались они маме. «У них настоящая дружба», – делился с мамой Вадик.

Как-то после обеденного застолья отец прилег отдохнуть, а Ярослав потащил Вадика в «Детский мир» и купил большой черный пистолет «маузер» с пистонами. Во дворе мальчишки на двух столах играли в настольный теннис. Ярослав упрямил юных игроков «вспомнить молодость» и так заигрался, что забыл все на свете. Пока всех не обыграл. А чтобы на него никто не обиделся, купил целую коробку эскимо и поставил на теннисный стол: угощайся, «современная молодежь».

В это время Вадик успел прокатиться на трех велосипедах. Потом наигрался в войну, ободрал коленку и локоть, штурмом взял крепость «ненцев» из картонных ящиков и отстрелял почти все подаренные пистоны. Отчего в теплом неподвижном воздухе повисли сизые клубы дыма, пахнувшего серой. А чтобы командир «ненцев» генерал Юрка-маленький не ревел так уж громко, подарил ему свой «почти настоящий» пистолет. За этот героический поступок, который был назван «отчуждением собственности», Вадик получил от Ярослава наградную порцию эскимо: «за неимением ордена». Потом они дотемна жгли костер за гаражами, жарили на проволоке хлеб и колбасу... пока их с балкона не окликнула рассерженная мама.

Дома загулявшие «стар и млад», как водится, выслушали от нее вежливый «нагоняйчик» с ударениями на эпитетах. Умылись душистым «земляничным» мылом и сели за стол кушать

пельмени. Папа, извинившись, обсуждал по телефону свой доклад с рецензентом, мама проверяла тетрадки. Поэтому Вадик с Ярославом завели взрослый разговор:

– Ну-ка признавайся, юный гурманойд, почему ты сначала съедаешь у пельменя тесто, а потом мясо?

– А так получается, будто ем каждый пельмень дважды.

– Мудрый ты мальчик. Надо попробовать. О! Здорово. Я этот прием запомню. И передам по эстафете подрастающему поколению «трудящихся».

– На здоровье. А можно задать вопрос?

– Задавай, коль пошла такая... пирушка.

– Ярослав Сергеич, почему люди предают?

– А по глупости. Потому что не знают, как дорого стоит верность и настоящая дружба.

– Почему тогда жадничают?

– По той же причине. Жадины-говядины просто не знают, как приятно быть щедрым.

– А может потому, что им не хватает?

– Нет, Вадик. Тут существует парадокс. Чем человек больше имеет, тем жаднее.

– Вы сказали, что не знают про щедрость. А почему?

– Потому что не пробовали. Если бы сняли пробу, то оценили.

В это время к ним подошла мама, молча налила чай, поставила печенье с вареньем и неслышно ушла. Вадик оценил ее тактичность, вспомнил соседок, воспитательницу, знакомых подружек и задал следующий вопрос:

– А кто такие женщины? Они ведь не такие, как мы?

– Как мне кажется, женщины делятся не на рыжих, блондинок и брюнеток; не на русских, татарок, француженок; не на обаятельных, привлекательных, умных и глупых... Женщины делятся только на два вида: те, которые остаются с нами, и те, которые нас бросают. Первые – это настоящие, а остальные... так... Тут все просто. Или ты женишься удачно и становишься счастливым, или неудачно – и становишься философом.

– А вы кто – философ?

– Конечно. Слушай, мальчик!.. Я предполагал, что сын моего учителя вырастет парнем-не-промах, но не слишком ли ты для своих лет глубоко копаешь?

– Не слишком...

– Хочешь совет старого психолога-подпольщика?

– Хочу.

– Относись к людям с иронией. Поверь, от этого жизнь станет легче.

– Это как – с иронией?

– А так: смотришь на человека и думаешь про себя, а какой-такой гадости, товарищ, от тебя ожидать? И когда человечек свинью тебе все-таки подсунет, ты этому не удивишься. Потому что был готов. А если не подсунет, то радуешься. Нарвался на исключение. А?.. Что молчишь?

– Я так не могу.

– Что ж, молодой мыслитель, тогда я вам искренне сочувствую. Жизнь ваша будет трудной, но... не скучной.

– Спасибо, мне это уже говорили.

По исполнении шестнадцати лет Вадим готовился получить паспорт. Отец кругами ходил вокруг сына, вздыхал и нерешительно молчал. Мама стала невыносимо ласковой и доброй. Вадим смотрел на своих сильно постаревших родителей, от души жалел их и ждал удара. И получил. Его посадили за стол и, опустив глаза, сообщили:

– Хотя мы и любим тебя как сына, но... на самом деле ты, Вадик, не родной сын, а приемный. Настоящие твои родители трагически погибли.

– Я могу к ним съездить? – после недолгой паузы спросил он.

– Конечно... сынок. Теперь ты взрослый. Ты даже свою настоящую фамилию взять можешь. И в паспорт записать.

Он долго смотрел на стариков, опустивших головы. Ему что-то надо было им сказать, как-то утешить. Кажется, больше всего в жизни они боялись потерять его. Но Вадим и сам не мог себе представить жизни без них. Поэтому глуховатым баском произнес:

– Не бойтесь, папа и мама, я вас не оставлю. После... этого я вас буду любить еще больше.

Родина Вадима потрясла. Казалось, она носила на себе все раны, которые получила русская деревня за последние десятилетия. Непролазная грязь, покосившиеся домишки, вымирающее население. Полдень воскресенья был наполнен пьяной руганью и плачущим серым небом.

Оставили они машину у правления и дальше пошли по расквашенной дороге, утопая по щиколотку в жидкой грязи. Вадим ожидал увидеть руины, похожие на гнилые зубы, торчавшие из кровоточивых десен; обгоревшие бревна, заросшие крапивой. Но отец привел его не на пепелище. Оказывается, он нанял плотников и восстановил сгоревший дом. Тут выяснилась еще одна деталь: кровные родители Вадима сгорели на праздник Первомая. В новенькой избе жила дальняя родственница Вадима – троюродная тетка Нина, которая и вынесла мальчика из горящего дома. Тогда нынешний отец приехал сюда в отпуск на рыбалку, помогал тушить пожар, да и сжалился над мальчонкой, взял его к себе и усыновил. При этом ему пришлось подключить все свои связи и раздать немало взяток. Тетку Нину отец упросил остаться и обещал избу восстановить. Чтобы сына не оставить без родного дома, а ее бесприютной.

На кладбище Вадим заметил, что почти на всех могилах стояли кресты. Лишь несколько памятников, похожих на выпирающие надолбы с хищными рогатыми звездами лепились к болоту в низине. Из обшарпанной церкви тетка привела священника, и он принялся служить панихиду. Вадим тупо смотрел на холм земли с металлическим крестом из прутков, крашенных суриком, и пытался представить, что под ним лежат два гроба с... содержимым. Нет, никак не воспринимал он своих только что обретенных родителей в виде чего-то страшного и тленного. А в это время бородатый мужчина в черном распевал о упокоении души. И этого он не понимал и даже представить себе не мог, что такое душа.

Мальчик не знал, как относиться ко всему этому, и искоса взглянул на отца. Морщинистое лицо в обрамлении седых реденьких волос, задумчивый взгляд с благодарной виноватой улыбкой – всё такое родное. Но в этот миг он увидел новое в отце: досаду на себя. Видимо, старый учитель оказался в положении второгодника, мало понимающего, что творится рядом. Вадим сам чувствовал немалое смятение и ждал развития событий.

После кладбища священник пригласил гостей к себе в дом. Отец неожиданно сразу согласился. Тетка же обрадовалась и заулыбалась всем печёным личиком. И всю дорогу вприпрыжку семенила спереди, заглядывая всем по очереди в глаза. Вопреки ожиданию, дома не было попады и множества детей. Так Вадим впервые познакомился с монахом. Батюшка за столом говорил о бедном нашем народе. Рассказывал, как часто ему приходится отпевать пьяниц и самоубийц.

– Да разве ж самоубийц отпевать можно, отец Паисий? – шепотом спросила тетка Нина.

– Нельзя, конечно, – почему-то опустил тот глаза. – Но мне можно.

– Как это? – подалась к нему тетка.

– Еще молодым священником был я у старца одного. Спросил его, как поступать, когда зовут отпевать таких... проблемных. Он мне ответил, что отказывать нельзя. Только молиться нужно не по чину отпевания, а своими молитвами. Родственникам все равно: лишь бы пополюлся, покойнику – послабление, а мне – совесть спокойная. Вот так, Нинушка.

Священник сказал это просто. Тетка за него успокоилась. Но Вадиму показалось, что тот чего-то крупно не договаривает. Решил обязательно вернуться к этой теме при случае и наедине. В это время священник сказал:

– Ты, Вадим, не стесняйся родителей своих покойных. Они были людьми своего времени, но добрыми и работающими. И Родина у нас с тобой не плохая. Она, как мать избитая, – вся в крови, ссадинах, но мать. И если не мы, дети ее, то кто же ее, болезную, поднимет и вылечит? Ты меня понимаешь, сынок?

– Постараюсь, отец Паисий. Я подумаю.

– А ты приезжай сюда почаще. Мы с тобой вместе подумаем. Не зря же твой приемный отец дом отчий восстановил. Это твоя Родина. Другой не будет.

Отец Паисий смотрел Вадиму в глаза. Много умных глаз видел юноша, но в этих... Оттуда, из глубины зрачков, из глубины души – струился свет, тихий и добрый. Вадим с жадой всматривался в эти глаза, будто пытаясь напиться про запас той светлой живой воды из неземного безбрежного океана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.